

РУСЛАН ГЛУЩЕНКО

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

Как мечта становится жизнью

*Вниз — чтобы стать жизнью.
Вверх — чтобы вспомнить, откуда.*

Руслан Глущенко

Дерево жизни

<https://litres.ru/74677162>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двое восьмилетних мальчиков рисуют мелом одно дерево на стене гаражей. Одному взрослый скажет: «Покажи ещё». Другому — «Потом». Один проживёт свою мечту. Другой почти сорок лет будет откладывать её до лучших времён.

Это книга о том, как замысел, с которым человек приходит в мир, становится его делом, любовью, телом и словом — или годами ждёт своего часа. Дерево жизни здесь — не свод правил, а карта проявления души: где путь идёт вниз, в жизнь, где обрывается тенью и как вернуться к себе.

Об одном и том же дереве говорят Зогар и Евангелие, китайские мудрецы, шумеры и суфии. Книга читает их без догм и ни одну традицию не ставит выше другой. А автор рассказывает и свою историю — о ступенях, которые он когда-то перепрыгнул сам.

Внутри — история, в которой легко узнать себя, цветные схемы Дерева и его тени и простое упражнение: найти свою точку на дереве. Для каждого, кто однажды сказал своей мечте «потом».

Содержание

Предисловие	7
От автора. Ступени, которые я перепрыгивал	10
Вступление. Дерево, которое было всегда	16
Глава 1. Одна мечта на двоих	22
Глава 2. Дерево простыми словами	32
Глава 3. Как мечта спускается в жизнь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Руслан Глущенко

Дерево жизни

Руслан Глущенко

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

Как мечта становится жизнью

© Руслан Глущенко, 2026. Все права защищены.

Дата первой фиксации авторского текста: 19 октября 2026

года

Авторская подпись: Руслан Глущенко

(Данное произведение является интеллектуальной собственностью автора. Любое полное или частичное копирование, цитирование или распространение без письменного согласия автора запрещено.)

Священная роща Эриду

Предисловие

Я открываю эту книгу с недоверием. На обложке — дерево. В содержании — Библия, Зогар, Китай, шумеры, суфии. Я жду проповеди: что меня будут куда-то вести, в чём-то убеждать и чем-нибудь пугать.

А книга ведёт меня во двор.

Самый обычный двор — такой есть почти в любом городе. Подъезды, глухая стена гаражей, старое дерево. Двое восьмилетних мальчиков, Марк и Тим, делят одну коробку мела и рисуют это дерево на стене: один — крону до самого неба, другой — корни до середины земли. Вечером во двор выходят двое взрослых. Каждый скажет всего одну фразу. Взрослым она будет стоять секунды. Мальчикам — целой жизни. Я ещё не знаю, что эти две фразы будут звучать во мне до последней страницы.

Дальше я читаю уже не о древних традициях. Я читаю о себе.

Сначала узнаю себя в Марке. Во мне тоже есть картинка, которая приходит сразу целой. И есть человек, который когда-то не похвалил меня и не поругал, а просто попросил продолжать. Читать про Марка легко и светло. Хотя и ему достаётся: эта книга — не про везунчика.

А следом начинается Тим. И читать становится трудно.

Тим — не неудачник. Он умный и надёжный, про него

говорят: успешный человек. Ему никто ничего не запрещал. Просто однажды он отложил своё — ненадолго, до лучших времён. И лучшие времена стали отодвигаться вместе с ним. Я читаю, как он год за годом всё лучше справляется со всем, кроме одного, — и слышу своё. Своё «когда будет время». Своё «вот разберусь с делами — и тогда». И впервые замечаю, чьим голосом это говорится.

Есть в этой книге и женщины, без которых история не сложилась бы. Одна держит всё и всё выносит — и только много лет спустя понимает, чего ей это стоило. Другая однажды просто садится рядом. Я узнаю обеих.

Мне хочется закрыть книгу. Но она не судит — ни Тима, ни его отца, ни меня. В этой истории нет злодея: слово, которое отложило мечту, сказано из любви. Тень здесь — не приговор и не наказание, а равновесие, которое потеряли. И главное: книга не оставляет на дне. Она показывает, где начинается дорога назад, — с того места, где ты стоишь сегодня.

Затем приходит карта. Я боюсь трудных слов, но их нет. Дерево, которое мальчики рисовали мелом, оказывается картой — простой, как ладонь: голова, сердце, руки, мир. На ней видно, как картинка спускается в жизнь и где она застревает. Я нахожу на ней свои застрявшие места — и, странное дело, мне не стыдно. Видно на ней и то, что мне до сих пор не удавалось назвать: почему у одних мечта становится делом, а у других годами ждёт своего часа.

Самые трудные главы — о тени. Жизнь одну за другой снимает с Тима вещи, которыми он гордился. Я читаю эти главы медленно, иногда откладываю книгу на день. И всё-таки возвращаюсь: мне важно узнать, что остаётся от человека, когда с него сняли всё.

А дальше о том же дереве заговорят другие народы, каждый на своём языке. Я жду спора между ними — а слышу переключку. Ни одну традицию книга не ставит выше другой. Она берёт из каждой то, что сказано о живом человеке.

Здесь нет советов в духе «поверь в себя». Здесь есть история, карта и вопрос в конце каждой главы. Вопросы простые. Ответы на них — нет.

И ближе к концу я понимаю главное. Я так долго смотрю со стороны — на Марка, на Тима, на их взрослых, — что не сразу замечаю: у стены есть ещё одно место. Эта книга — не о Марке и не о Тиме. У той стены всегда было место для третьего — для того, кто читает. Книга протягивает мне карандаш и задаёт один вопрос: где на этом дереве ты — сегодня?

Я не знаю, где на этом дереве окажешься ты. Но знаю, что место у стены для тебя есть. Двое мальчиков уже рисуют. Третьего ждут.

— *Третий у стены*

От автора. Ступени, которые я перепрыгивал

Профессию я выбрал не сам. Её выбрали за меня город и дружба.

Город у нас шахтёрский. Он жил сменами: одни спускались под землю, другие поднимались наверх, и угольная пыль ложилась на подоконники быстрее, чем её успевали стирать. Подрабатывать я начал ещё школьником — летом, на стройке, на разгрузке. Никто этого от меня не требовал: мама справлялась. Но отца как опоры рядом не было, и я рано решил сам: надо зарабатывать.

После школы я выбирал из того, что было рядом. Штукатуром или плотником становиться не хотелось — хотелось чего-то посложнее, по уму. А куда по-настоящему, я не знал. И тут близкий друг сказал: «Пошли вместе». Так я стал подземным электриком.

Учился я легко и окончил училище с отличием. Работал по профессии — платили мало. Тогда я перешёл на шахте на работу тяжелее, зато денежнее: всё упиралось в заработок. Физически у меня всё получалось. Только своей эта работа так и не стала.

Одну вещь я понял, лишь когда писал эту книгу. Уголь — это лес. Деревья, которые росли больше трёхсот миллионов

лет назад, ушли под землю и спрессовались в чёрный камень. Я годами работал внутри древнего леса — и думал о сменах и зарплате.

А в детстве меня тянуло совсем в другую сторону. К сказкам и мифам, к историям о целителях, к вопросу, как устроен человек. Зачем мне это, я бы тогда не объяснил: тяга шла раньше всякого «зачем». В этой книге ты встретишь мальчика Марка, который рисует на всём подряд и тоже не знает зачем. На её дереве такое место называется Начало. С него и начинается путь вниз — в жизнь.

Мечту у меня никто не отнимал. Мальчику Тиму в этой книге её отложит одно короткое слово отца. Мне такого слова никто не говорил. Свою мечту я отложил сам. Детское «интересно» понемногу вытеснило взрослое «надо» — так тихо, что я этого даже не заметил.

Дальше было двадцать лет заработков. В девятнадцать я женился. После шахты был год работы в Киеве; мы вернулись домой, родилась дочь. В двадцать с небольшим я открыл приёмный пункт вторсырья — и уже тогда видел не бумагу и плёнку на весах, а свой завод по переработке, своё производство. Картинка пришла сразу целая. Но как от неё дойти до дела, шаг за шагом, я не знал. Пункт я прикрыл.

Затем — Москва: электрик, но уже на стройке. Снова дом. Польша: заводы, фабрики, поля, иногда снова электрика. Нидерланды — стройка. Германия — опять стройка: считалось, что это самое денежное. Работы менялись, а вопрос,

по которому я их выбирал, оставался прежним: где больше платят.

Со стороны это была жизнь человека, который не боится работы. Так и было: сил и упрямства мне хватало всегда. Только смотрели они не туда.

Остановило меня тело. К тридцати семи начала отказывать нога, в тридцать девять была операция. Почти два года я не выходил из дома — год до операции и год после. Ещё до операции я точно знал, чего больше не хочу: бежать дальше по тому же кругу. В эти два года я всерьёз думал открыть свою фирму по ремонту: руки умеют, расценки хорошие. Это было бы надёжно — и снова не моё. Я сказал «нет». Это было первое «нет», которое я сказал ради своего.

Операция расставила всё по местам. Я долго лежал, восстанавливался и пересматривал свою жизнь. Тело сняло с меня то, чем я привык себя мерить: работу, заработок, уверенность, что всё вывезу сам. В шестой главе Тим проходит семь ворот, и у каждого с него что-то снимают. Свои ворота я прошёл лёжа.

Когда бежать стало некуда, вернулось самое первое — та детская тяга понять, как устроен человек и почему одни живут свою жизнь, а другие годами бегут по кругу. Я и сам бежал по кругу и всё это время видел, как бегут другие. На стройках, в цехах, в дороге люди рассказывали мне то, чего не рассказывали близким. Я слушал, сравнивал, запоминал. Тяга искала дорогу и через руки. Я прошёл курс масса-

жа и даже оформил своё дело: руки, которые помогают, ближе всего к детским историям о целителях. Но так и не начал — мешали бумаги и деньги, а ещё спина: массажист весь день работает в наклоне, а я только восстанавливался. Может быть, и к лучшему. Моя дорога оказалась другой — не руками, а словом. В те два года всё услышанное наконец сложилось в одно, и в сорок лет я написал первую книгу. Эта — пятая.

Когда дерево этой книги было нарисовано, я положил на него свою жизнь. Не схемой — дорогой. И увидел, где я перепрыгивал.

Электрику не нужно объяснять, что такое обрыв. Лампа горит, только когда цепь замкнута от начала до конца. Пропусти одно звено — и в конце темно, сколько ни подавай ток. Золотая молния на нашем дереве для меня такая же цепь: от Начала вниз, до самой Жизни, место за местом. А слово «обрыв» ты найдёшь на схеме теней — там, где связь порвалась.

Моя цепь рвалась в одних и тех же местах. Профессию я выбрал без Озарения и без Понимания: не было ни своей картинки, ни долгой работы над ней — было «куда все» и «куда друг». Приёмный пункт был Озарением без Понимания: вспышка пришла целой, а терпения, в котором вспышка получает форму, у меня тогда не было. А двадцать лет заработков были Упорством без Сердца. Работал я много и честно, но не своё. И «достаточно» не наступало: всегда находилась работа, где платили больше. В книге такой бег по

кругу называется загоном.

И ещё одно знает каждый электрик: обрыв на линии гасит не одну лампу, а всё, что стоит после него. Так было и у меня. Порвалось в работе, а погасло везде: дочь росла без отца рядом, семья не выдержала, заработки ходили по кругу, а в конце отказало и тело.

Дорогу назад я тоже вижу на этом дереве. Голубая стрелка — путь назад — идёт не напрямик, а через середину, через Сердце. Я вернулся не к сказкам и мифам, а к тому, к чему меня тянуло ещё до всякого «надо»: к человеку — понять его и рассказать понятное.

И вниз я теперь иду иначе. Эту книгу я писал так, как велит её же дерево: сначала картинка, затем каркас и долгая работа над формой, и только после — главы. Название пришло последним.

Марк и Тим — не я, и я не списывал их с себя. Марк прошёл свои ступени по порядку. Тим много лет стоял на одной. Я перепрыгивал. Дорог на этом дереве больше, чем две, — и, может быть, среди них есть твоя.

В конце третьей главы тебя ждёт вопрос — о том, какую ступень перепрыгиваешь ты. Мне понадобилось двадцать лет, чтобы честно на него ответить: на месте Сердца у меня долго стояло «надо». Надеюсь, тебе хватит одной книги.

На обложке написано: «Вниз — чтобы стать жизнью. Вверх — чтобы вспомнить, откуда». Я прожил эту фразу задом наперёд. Сначала долго шёл вниз, не помня откуда. За-

тем лёг — и вспомнил. Теперь иду вниз ещё раз — уже по ступеням.

— *Руслан Глущенко*

Вступление. Дерево, которое было всегда

Больше семи тысяч лет назад на юге Междуречья, у края болот, где тростник поднимается выше человеческого роста, на пустой песчаной дюне поселились люди. Среди первых построек — крошечный храм из сырцового кирпича: два метра на три, с нишей в стене. Позже его перестраивали снова и снова, поверх старого, на том же самом месте: археологи насчитали восемнадцать храмов, один над другим. Вокруг храма вырос город. Его называли Эриду. Сами шумеры считали его первым городом на земле: их древний список царей начинается с того, что царская власть спустилась с неба — и первым её местом стал Эриду.

В одном древнем заклинании описано священное место этого города: источник, который бьёт из глубины, дом мудрости, священная роща. Растёт там и дерево — тёмное, видом как лазурит, драгоценный синий камень. Пьёт оно из пресных вод, которые лежат глубоко под землёй. А в середине этого места, говорит текст, не входил ни один человек. Середина, куда не входят просто так, — запомним этот образ. В книге он вернётся ещё не раз.

Шумеры не называли это дерево деревом жизни. Таких слов в их табличках нет: это имя подобным деревьям дали

учёные нового времени, когда научились читать клинопись. Но прижилось оно, наверное, не случайно. На юге Междуречья без пресной воды не было бы ни поля, ни города. А это дерево растёт прямо из неё, из глубины (это наше прочтение).

Почему люди так давно и так упорно рисуют именно дерево? Может быть, потому, что оно похоже на человека больше, чем любая другая вещь на земле. Оно растёт сразу в две стороны — корнями вниз, кроной вверх. Оно всю жизнь стоит на одном месте — и всё равно меняется каждый год. Оно вырастает из семечка, которое умещается на ладони, и переживает того, кто его посадил. Человек смотрит на дерево и узнаёт в нём себя (это наше прочтение).

Поэтому такое дерево есть почти у всех народов. Пройдём по векам — один раз, чтобы дальше к датам не возвращаться.

Шумеры записывали свои тексты на глине больше четырёх с половиной тысяч лет назад — с них мы и начали. Книги Ветхого Завета складывались в основном в первом тысячелетии до нашей эры, и в самом начале Библии растёт сад, а в нём — дерево жизни (Быт 2:9). Китайские мудрецы, которых мы будем слушать, жили с VI по II век до нашей эры, и у них есть своё дерево — Цзяньму. В I веке нашей эры записаны Евангелия: в них с деревом сравнивается само Царство.

В VII веке записан Коран — есть дерево и в нём. В том же веке за океаном майя высекали на камне своё мировое дерево (яшче) — сейбу, великана их лесов; две схемы майя

ты найдёшь в конце книги. Суфийские мастера, чьи слова встретятся в этой книге, жили в XI–XIII веках, и у них дерево растёт внутри человека, в сердце (это наше прочтение). В конце XIII века в Испании появился Зогар — главный ориентир нашей книги: по нему нарисована её карта. А славянские поверья собиратели записали только в XIX веке, хотя живут они намного дольше. И Будда, по преданию, пробудился, сидя под деревом, — не на небе, а здесь, на земле.

Порядок по времени — только порядок: старше не значит главнее. Ни одну из этих традиций мы не ставим выше другой. У их деревьев разная листва и разные имена. Но если поставить их рядом, они сходятся в пяти простых словах. Эти пять слов пройдут через всю книгу.

Середина. Дерево почти всегда стоит посередине. В Эриду — в священном месте, куда не входят просто так. В Библии — посреди сада. У майя — посреди мира: по четырём краям света стоят ещё четыре дерева, каждое своего цвета, а зелёное — в середине. В человеке середина — сердце. Суфии сравнивали его с зеркалом: если сердце очистить, в нём отразится истина (так учил аль-Газали). На нашей карте посередине дерева тоже стоит Сердце. Здесь человек становится собой — не тем, кем его хотят видеть, а тем, кем он задуман (это наше прочтение). Это место, откуда начинается путь, и место, куда возвращаются, когда путь потерян.

Путь вниз и путь назад. По дереву ходят в обе стороны. По китайскому Цзяньму, говорит древняя книга «Хуай-

наньцзы», боги спускаются с неба на землю и поднимаются обратно. Корни сейбы уходят в нижний мир, крона — в небо, и по её стволу сообщаются все три мира. Шумерская царица неба спускается в подземный мир — и возвращается; о ней расскажут шестая и седьмая главы. На нашей карте будут две стрелки, золотая и голубая. Одна ведёт замысел вниз, в жизнь. Другая ведёт человека назад, к себе. Ни одна из этих дорог не лучше другой: по первой приходят в мир, по второй не теряют в нём себя.

Милость. Дерево отдаёт, ничего не взвешивая: тень — тому, кто сел отдохнуть, плод — тому, кто шёл мимо, ветви — птицам. Иисус сравнивал Царство с горчичным зерном: оно меньше всех семян, а вырастает и «становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф 13:32). Царство вырастает из самого малого — и становится домом для других (это наше прочтение). В человеке это тепло видно по простым вещам: по тому, как он смотрит на чужой рисунок, как слушает, как протягивает руку.

Мера. Но одного тепла мало. Тепло без меры растекается, как вода, у которой нет берегов. Дерево, которое тянется только вверх, ломает первый ветер; дерево, которое только держится за землю, не даёт плодов. Поэтому рядом с милостью везде стоит мера. Это не скупость и не запрет, а равновесие: тепло и сдержанность держат друг друга, как два берега держат реку. Больше всех о мере говорят китайские

мудрецы, и девятая глава отдана им.

Тень. И почти у каждого народа у дерева есть тень. Растёт она на том же дереве: это тот же свет, только без меры. Тепло, которое растеклось. Сдержанность, сжатая в кулак. «Я», которое заслонило собой всё. Славяне говорили об этом образом нити: Доля прядёт человеку его нить, а Недоля путает. Мы прочитаем это так: нить у человека одна — своя. Спутанная, она всё равно остаётся своей, и её можно распутать (это наше прочтение). Поэтому в тени нет приговора. Есть место, где равновесие потеряно, — и дорога, по которой его возвращают.

Середина, путь вниз и путь назад, милость, мера, тень. Пять слов — как пять ветвей одного дерева. На каждой из них ты встретишь двух мальчиков из нашей истории, а может быть, и себя.

Как же читать эту книгу? Сначала — история двух мальчиков из одного двора, Марка и Тима. Она пройдёт через всю книгу, от детства до седых волос, и с неё начинается каждая глава. Затем — карта. В части II ты увидишь, как устроено дерево: десять мест, от Начала до Жизни, названных простыми словами. В части III — где у дерева тень и как человек возвращается с самого дна. Дальше — языки народов: Евангелие, Китай, шумеры, суфии, у каждого своё слово об одном дереве (часть IV). А в конце карта перейдёт к тебе (часть V). На больших схемах после седьмой главы стоят старые имена из Зогиара, а в тексте — простые слова; это одно и то же де-

рево, и таблицы рядом со схемами помогут их сравнить. В конце каждой главы тебя ждёт вопрос. Не торопись с ответом: он — твой кусочек карты.

Дерево здесь — не свод правил и не учение, в которое нужно поверить. Это карта того, как душа проявляется в жизни — в деле, в паре, в теле, в слове, — и как человек возвращается к себе. Поэтому тексты всех народов мы читаем как рассказы о человеке. А там, где толкуем мы сами, стоит пометка «это наше прочтение»: так всегда видно, где говорит источник, а где мы.

Мы начали с Эриду, с самого древнего дерева, прошли через сад и через земли многих народов. Теперь — в обычный двор. Такой есть почти в любом городе: подъезды, лавочки, длинная глухая стена гаражей. И старое дерево, которое помнит всех, кто здесь вырос. Двое восьмилетних мальчиков рисуют его мелом. Между Эриду, садом и этим двором — тысячи лет. Что их связывает, станет ясно в самом конце. А пока присмотришься к этому дереву. Может быть, ты его узнаешь.

ЧАСТЬ I

Двор

Глава 1. Одна мечта на двоих

Во дворе росло дерево, которое было старше всех домов вокруг.

Никто не знал, кто его посадил. Бабушка Марка говорила, что, когда она сама была девочкой, оно уже было старым. Корни у него выходили из земли возле гаражей — толстые, узловатые, как костяшки огромной руки, — и дорожка вокруг давно потрескалась. А ствол был такой, что два восьмилетних мальчика однажды попробовали обнять его вдвоём — и пальцы у них не сошлись. Не хватило совсем немного, одной ладони.

Этих мальчиков звали Марк и Тим.

Напротив дерева тянулась стена гаражей — длинная, серая, без единого окна. Для взрослых это была просто стена. Для детей — самый большой лист бумаги в городе. На ней рисовали мелом все: малыши — солнце с лучами-палочками, ребята постарше — ворота, чтобы бить в них мячом. Приходил дождь и всё смывал. Никто не расстраивался: завтра можно было нарисовать новое.

В тот день у Марка и Тима была одна коробка мела на двоих. Они высыпали её на тёплую землю и поделили, не споря: Марку — зелёный и жёлтый, Тиму — белый и коричневый, а синий решили брать по очереди.

Рисовать решили дерево. То самое, что стояло у них за

спиной.

Марк начал с кроны. Он рисовал её огромной, на полсте- ны, и ветки уходили так высоко, что ему приходилось вста- вать на цыпочки, а под конец — подпрыгивать. Листья у него получались не листьями, а маленькими зелёными огонька- ми. На одну ветку он посадил жёлтую птицу. Рядом — вто- рую. Подумал — и нарисовал им гнездо.

Тим начал снизу. Его больше всего волновало то, чего ни- кто никогда не видел: что у дерева под землёй. Он провёл белым мелом длинную черту — это была земля, — а под ней повёл корни. Коричневые, извилистые, они шли вниз и в сто- роны: под гаражи, под дорожку, под соседний дом. Тим полз за ними на коленках вдоль стены, пока стена не кончилась.

— А они куда идут? — спросил Марк, не оборачиваясь.

— Далеко. Может, до самой середины земли.

— А моё — до неба.

Тим сел на пятки и подумал.

— Ну вот. Значит, у нас одно дерево.

Они рисовали долго. Ни один ни разу не отошёл назад, чтобы посмотреть, хорошо ли получилось. Им это было не нужно. Марк тихонько чирикал за своих птиц. Тим, когда корень упирался в нарисованный камень, бормотал «так, об- ходим» и вёл линию в сторону. Они не смотрели на рисунок со стороны. Они были внутри него. Синий мелок к вечеру стёрся до крошечного огрызка — и его хватило обоим.

Первой во двор вышла бабушка Марка. Она звала внука

ужинать из окна, он не услышал, и она спустилась сама — в домашней кофте, с полотенцем на плече.

Бабушка остановилась у стены и долго смотрела. Сначала на птиц и гнездо, затем выше — туда, где ветки уходили за край и где Марк уже не доставал.

— А это кто? — спросила она про жёлтую точку на самой верхней ветке.

— Птенец. Он ещё не умеет летать, поэтому сидит.

Бабушка кивнула так серьёзно, будто ей объяснили что-то очень важное. Она не сказала «молодец». Не сказала «какая красота». Она сказала:

— Покажи ещё.

И Марк, забыв про ужин, схватил зелёный мел и нарисовал птенцу маму. Следом — ветер, тонкими штрихами, чтобы было видно, как шевелятся листья. А в самом углу — солнце, которое садилось прямо в крону. Бабушка стояла рядом и смотрела, пока не начало темнеть.

— А теперь ужинать, — сказала она наконец. — Завтра покажешь ещё.

Марк шёл к подъезду спиной вперёд, чтобы видеть стену как можно дольше.

Тим остался один. Ему нужно было довести до конца последний корень.

Отец Тима возвращался с работы, когда во дворе уже зажигались окна. Он шёл медленно — так ходят люди, которые весь день были кому-то нужны. У гаражей он увидел сына —

на коленках, с коричневым мелом в руке — и остановился.

Корни шли по всей стене. Они огибали камни, раздваивались, ныряли вниз, к самому краю. Отец смотрел на них дольше, чем собирался.

Когда-то он и сам рисовал. Мальчишкой — мелом на этой самой стене, и это самое дерево тоже. Позже — карандашом в тетрадах. Лет в пятнадцать он мог за минуту набросать любого соседа — и весь двор узнавал, кто это.

А в соседнем доме жил тогда настоящий художник — тот, кто рисовал всю жизнь и больше ничего не умел. Отец Тима хорошо его помнил. Помнил картины, которые сосед отдавал почти даром, лишь бы взяли. Помнил, как тот начал пить — по праздникам, а там и каждый день. Как дрожали у него руки. Как однажды его не стало, а картины вынесли во двор вместе со старым шкафом. Пятнадцатилетний мальчик смотрел на это и тихо решил про себя: со мной так не будет. И убрал карандаши в стол. Больше он их не доставал.

Теперь он присел рядом с сыном на корточки. Один корень на стене упёрся в нарисованный камень и не знал, куда ему дальше. Отец молча взял у Тима мел и одной лёгкой линией провёл корень в обход — так уверенно, будто делал это каждый день.

Тим открыл рот. Он никогда не видел, чтобы папа рисовал.

Отец посмотрел на свою руку. Вернул мел и долго вытирал пальцы о брюки — тщательно, словно стирал с них что-

то большее, чем мел.

— Художник — значит нищий, — сказал он негромко. — Потом порисуешь, сначала дело.

Он сказал это без злости. Так отводят ребёнка от края дороги, когда мимо едет что-то большое.

— А какое дело? — спросил Тим.

— Для начала — уроки. — Отец улыбнулся и потрепал его по голове. — Пошли.

Тим поднялся, отряхнул коленки и пошёл за ним. На пути он оглянулся. В темноте стену было почти не видно, но он точно знал, где на ней корни.

В ту ночь в двух квартирах, в двух соседних подъездах, два мальчика засыпали одинаково.

Марк лежал на боку и смотрел в тёмный потолок. Там была крона — вся, до самой верхушки, которую он так и не успел дорисовать. Птенец сидел на верхней ветке и ждал, когда научится летать.

Тим лежал на спине и видел корни. Они шли вниз — под кровать, под дом, под весь город, туда, где никто никогда не был. Один корень снова упирался в камень, и Тим во сне вёл его в обход папиной линией — лёгкой и уверенной.

Оба улыбались. Оба думали, что завтра нарисуют ещё.

Если бы кто-нибудь заглянул в эти две комнаты, он не нашёл бы никакой разницы. Два мальчика. Одинаковое счастье. Одно дерево на двоих. Где-то глубоко в каждом лежало по одному слову: в Марке — «покажи ещё», в Тиме —

«потом». Лежало тихо, как семечко в земле. Ни одно пока не проросло.

А на кухне у Тима ещё горел свет. Отец сидел над остывшим чаем и водил пальцем по столу — туда-сюда, будто вёл линию. Заметил это — и убрал руку.

Ночью пошёл дождь. К утру стена гаражей снова была чистой.

Одно дерево на двоих.

Мел смывает первый дождь. Слово взрослого не смывает и за тридцать лет.

Посмотри на любого восьмилетнего ребёнка, когда он рисует. Он не стоит перед рисунком, как посетитель в музее. Он в нём живёт. Птицы у него чирикают, корни обходят кам-

ни, машины гудят — вслух, на весь двор. Он не спрашивает себя, хорошо ли получилось, есть ли у него талант и пригодится ли это в жизни. Таких вопросов в нём пока нет: их туда ещё никто не положил. Оценку приносит взрослый — словом «молодец» или словом «баловство», а иногда одним взглядом. Приносит снаружи.

В Евангелии есть слова: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф 18:3). Обычно их читают как слова о смирении. Мы прочитаем в них и ещё одно. Царство здесь — не место, куда попадают когда-нибудь потом. Когда Иисуса спросили, когда оно придёт, он ответил, что оно не придёт приметным образом: «ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20–21). А ребёнок целиком там, где он есть. Он не делит жизнь на «сейчас» и «потом». Пока он рисует дерево, весь он — в этом дереве.

Марк и Тим не думали, хорошо ли они рисуют. Слово о рисунке принесли во двор взрослые: бабушка — одно, отец — другое. Каждый сказал по одной фразе. Обоим это стоило секунды, и оба, скорее всего, к утру о ней забыли.

Взрослый редко помнит, что сказал ребёнку между делом, по дороге с работы. А ребёнок носит это годами — даже не в памяти, а глубже. Слово ложится в него, как семечко в землю. Сверху ничего не видно. Дождь смывает мел, проходит лето, десять лет, двадцать. А лет через тридцать взрослый человек вдруг слышит эти самые слова из собственного рта.

Или замечает, что давно живёт так, будто его «потом» ещё не наступило, — и не может вспомнить, когда он так решил. Он и не решал. Слово просто проросло.

Отцы наставляли детей всегда. Один из самых древних текстов, дошедших до нас, был записан на глиняных табличках в Шумере около четырёх с половиной тысяч лет назад. Он называется «Поучения Шуруппака»: отец наставляет сына. Советы там житейские и понятные до сих пор — не покупай осла, который громко ревёт, не ставь поле у самой дороги. А ещё отец просит сына не пренебрегать его словами: совет старшего драгоценен. Читаешь — и узнаёшь отца Тима. Он тоже хотел, чтобы сыну было надёжно и чтобы его поле не стояло у дороги, где всё растащат. Выходит, вопрос никогда не был в том, наставлять ли ребёнка. Наставляли всегда. Вопрос в другом — каким словом.

Эта книга не о таланте. Если спросить, кто из мальчиков был талантливее, честного ответа не будет. Оба рисовали одно дерево, каждый по-своему, с одинаковым счастьем. Марк видел крону и небо. Тим — корни и то, что скрыто под землёй. Это не «больше» и «меньше» — это две половины одного дерева. Они и сами это поняли: «значит, у нас одно дерево». Дар у них был один и тот же. Разошлось не дарование. Разошлось слово, которое пришло следом.

Эта книга — о пути. О том, как замысел, с которым человек приходит в мир, спускается в жизнь и становится его делом, его временем, его людьми. Или не спускается — и го-

дами ждёт своего «потом».

Два слова из одного двора — «покажи ещё» и «потом». Вся книга лежит между ними.

«Покажи ещё» — не похвала. Похвала — тоже оценка: сегодня ты «молодец», а завтра можешь до «молодца» не дотянуть. Бабушка ничего не оценивала. Заметь: прежде чем сказать «покажи ещё», она спросила: «А это кто?» Она не посмотрела на рисунок сверху, как судья. Она вошла в него вместе с внуком — туда, где на верхней ветке сидит птенец, который ещё не умеет летать. И попросила продолжать. Она словно открыла перед внуком дверь и отошла в сторону: иди, там ещё много.

«Потом» — не запрет. Отец Тима ничего не запретил. Он даже сам провёл сыну корень в обход камня. Он просто отложил — до тех пор, пока не будет сделано «дело». В этом его сила. С запретом можно спорить: хлопнуть дверью, рисовать назло. С «потом» спорить не о чем — тебе ведь ничего не запретили. Можно только ждать. Иногда очень долго. Прислушайся, как говорят взрослые: «Вот дети вырастут — тогда». «Вот расплачусь за дом — тогда». «Вот выйду на пенсию...» Это то же самое «потом», только выросшее вместе с человеком.

В этой книге мы будем много говорить о тени. Так вот: тень начинается не с запрета. Она начинается с отсрочки.

И ещё одно, важное с самого начала: в этой истории нет злодея. Отец Тима любил сына. Он видел, чем закончил со-

сед-художник, и заслонил сына от той же дороги — как сумел. А своё рисование он когда-то отложил сам — в пятнадцать лет, в ящик стола. Почти каждый из нас хоть раз сказал кому-то своё «потом» — из заботы, из страха, от усталости. И почти каждый хоть раз услышал своё «покажи ещё». Бывает, что оба слова мы слышим от одного и того же человека.

Одна коробка мела, одно дерево, одна мечта на двоих.

У обоих был один замысел. Почему он прожил жизнь только в одном?

Чтобы ответить, придётся посмотреть на само дерево — на то, которое люди рисовали задолго до Марка и Тима.

Вопрос к тебе

Вспомни себя в восемь лет. Кем тебе хотелось стать — и кто первым сказал тебе «потом»?

А если рядом был человек, который сказал тебе «покажи ещё», — вспомни и его.

ЧАСТЬ II

Дерево

Глава 2. Дерево простыми словами

В десять лет Марк и Тим впервые забрались на крышу гаражей.

Два года они смотрели на неё снизу. Над гаражами лежала самая длинная ветка старого дерева — толстая, почти прямая, как мост с дерева на крышу. Но от земли до неё было высоко, и восьмилетние не доставали даже в прыжке. А десятилетние доставали — правда, только вдвоём. Тим подставлял сцепленные ладони, Марк вставал на них, хватался за ветку, ложился на неё животом и тянул Тима за руку. Дальше — на четвереньках по мосту и вниз, на крышу.

Крыша была плоская, тёплая от солнца, и с неё было видно всё. Двор лежал как на ладони: скамейка у подъезда, песочница, верёвки с чьим-то бельём, окна обоих подъездов — Марка и Тима. А крона, которую Марк два года назад рисовал на цыпочках и в прыжке, теперь была совсем рядом. Протяни руку — и ты внутри. Солнце падало сквозь листья пятнами, и пятна шевелились у мальчишек на руках и коленках.

Взрослые на крышу не лазили. Поэтому это было их место.

В тот день Марк долго ждал под деревом — с альбомом под мышкой. Альбом подарила бабушка: большой, с толстыми белыми листами. Тим вышел позже: сначала уроки. Это

правило в семье Тима никто не обсуждал — как никто не обсуждает, что после дня бывает вечер. Под мышкой у него была школьная тетрадь. Её последние страницы давно заросли корнями: туда учительница не заглядывала.

На крыше Марк лёг на спину, положил альбом на живот, сунул карандаш за ухо — и не стал рисовать.

— Ты чего? — спросил Тим, усаживаясь рядом.

— Смотрю.

Тим тоже лёг. Небо сквозь листья было видно кусочками, как в мозаике. Где-то в кроне возилась птица, и на крышу падали сухие веточки.

— Я её уже вижу, — сказал Марк. — Всю. Ещё до карандаша.

— Кого?

— Картину. Дерево сверху — как его видят птицы. Круглое, как зелёная тарелка. Посередине — крыша. А на крыше мы, вот такие. — Он показал двумя пальцами крошечную щёлку. — Как муравьи.

Тим помолчал.

— И я, — сказал он.

— Что — ты?

— Тоже вижу. Свою. — Тим похлопал ладонью по тёплой крыше. — Мы сейчас прямо над корнем. Он идёт под этим гаражом, под полом, под машиной. А у колеса поворачивает: там камень.

Марк приподнялся на локте и посмотрел на крышу так,

будто она стала прозрачной.

— А откуда она берётся? — спросил Тим.

— Кто?

— Картинка. Её же сначала нет.

Марк подумал.

— Не знаю. Она приходит сразу целая. Как будто всегда была, а я только заметил.

Тим посмотрел вверх, в листья.

— Как дерево, — сказал он. — Никто же не знает, кто его посадил.

Марк сел, раскрыл альбом, посмотрел на белый лист — и засмеялся.

— Не влезет.

Тим даже не спросил, что не влезет. Он уже полз к ветке-мосту.

Спускались они вдвое быстрее, чем залезали. Марк прыгнул с ветки и чуть не упал. Тим съехал по стволу, оцарапал ладонь и даже не заметил. Мел лежал там, где всегда, — в щели под крайним гаражом, в жестяной коробке из-под леденцов. Одной на двоих.

Марк встал на цыпочки и поднял руку с зелёным мелом. Тим опустился на коленки и поднёс белый мел к самому низу стены: земля у него, как всегда, начиналась с белой линии.

Остановим здесь кадр.

Так в кино иногда останавливают картинку — и тогда видно то, что в движении проскакивает незаметно. Двое маль-

чишек у длинной серой стены. Один тянется вверх, другой стоит на коленках. Мел ещё не коснулся стены.

Посмотрим на них сверху вниз.

Над ними — крона старого дерева, которое было здесь раньше всех. Никто не знает, кто его посадил.

В голове у каждого — картинка. Она пришла ещё на крыше, сразу целая, и с тех пор не сдвинулась ни на волос. У Марка — дерево сверху, круглое, как зелёная тарелка, и двое крошечных на крыше. У Тима — гараж, разрезанный пополам, как пирог, и корень, который у колеса поворачивает в сторону.

Ниже, в груди, — волнение. Это оно подняло их с тёплой крыши и пронесло по ветке вниз. У Марка сердце стучит, как после бега по лестнице. У Тима в груди тепло и щекотно, будто туда залетел солнечный зайчик и не может найти выход.

Ещё ниже — руки. Рука уже знает, куда ей: у Марка тянется вверх, к кроне, у Тима — вниз, к земле. Она успевает раньше, чем голова скажет «давай». Пальцы в мелу, на ладони у Тима — свежая царапина.

И стена — длинная, серая, без единого окна. Сейчас на ней ничего нет, кроме чьих-то старых ворот для мяча, наполовину смытых дождём. Через секунду появится короткая белая черта — земля. И одна зелёная точка — первый лист.

Вот и всё, что видно в этом кадре: картинка, волнение, рука, стена. Сверху вниз. За одну секунду. Если бы кадр не

остановили, никто бы этого не заметил — ни соседка с собакой, которая как раз выходила из подъезда, ни сами мальчишки. Им казалось, что они просто рисуют.

Кадр пошёл дальше.

Они рисовали до вечера. Марк нарисовал дерево таким, каким видел его с крыши: огромный зелёный круг в пятнах света, а посередине — серая крыша и на ней две фигурки, каждая с полпальца. Жёлтых птиц он нарисовал со спины: с крыши было видно, что птицы летают ниже мальчишек. Это было главное открытие дня.

Тим провёл белую линию земли, поставил над ней гараж в разрезе — с машиной, похожей на коробку, — а под землёй повёл корень. Корень шёл, шёл, у колеса упирался в камень, и Тим бормотал «так, обходим» и вёл его в сторону.

Синий мел, как всегда, брали по очереди. Когда Марк потянулся за ним, их рисунки на стене уже сошлись: его крона сверху, корни Тима снизу, а между ними — крыша с двумя фигурками.

— Это мы, — сказал Марк.

— Посередине, — сказал Тим.

Когда они снова забрались на крышу, солнце уже садилось. Они сидели на самом краю, свесив ноги. Рисунка отсюда видно не было — он был прямо под ними, на той самой стене, на которой они сидели. Но оба знали, где он.

Внутри у обоих было тихо. Так тихо бывает, когда донёс до места что-то тяжёлое и бережно поставил.

— Как будто мы её откуда-то принесли, — сказал Тим.

— Картинку?

— Ага. Принесли — и поставили.

Марк кивнул. Говорить больше не хотелось.

Внизу у стены остановилась соседка с собакой. Постояла, посмотрела на круглое зелёное дерево и на гараж в разрезе, улыбнулась чему-то своему и пошла дальше.

КАК ЧИТАТЬ ДЕРЕВО

Золотая молния 1 → 10 — главный путь: так замысел нисходит сверху вниз и становится реальной жизнью.

Голубые двусторонние — каналы, где сила течёт в обе стороны: вниз — в действие, вверх — когда человек растёт (10 → 1).

Голова (1–3): мысль — замысел, идея, понимание

Сердце (4–6): чувство — любовь, границы, баланс

Действие (7–9): поведение — как мы поступаем с людьми

Мир (10): результат — наша реальная жизнь

Справа — отдавать. Слева — ограничивать. Центр — равновесие.

Сверху вниз — от замысла через чувство к действию.

Снизу вверх — путь роста.

Рис. 1. Как читать дерево: золотая молния, голубые каналы и четыре яруса (фрагмент). Полная схема «Дерево жизни» — после главы 7.

Мел касается стены последним.

Обычно мы видим только этот последний шаг. Рисунок на стене. Пирог на столе. Новую полку в прихожей. Чью-то маленькую мастерскую с вывеской над дверью. И говорим: талант, золотые руки, повезло. Но прежде чем мел коснулся стены, внутри человека прошёл весь путь — иногда за одну секунду, иногда за десять лет. Снаружи его не видно. Поэтому мы и остановили кадр.

Ступеней четыре.

Первая — Голова. Здесь появляется картинка. Не план, не список дел и не «надо» — именно картинка. Ещё ничего не сделано, а ты уже видишь: пирог на столе и гостей вокруг, полку с книгами, вывеску над своей мастерской. Картинке не нужны слова. Марк увидел дерево целиком «ещё до карандаша» — и это не особый дар художника. Так видит каждый, кто хоть раз чего-то по-настоящему хотел.

Вторая — Сердце. Картинка опускается ниже, в грудь, и становится там волнением: теплом, нетерпением — тем, что поднимает с тёплой крыши. Это можно проверить на себе. Подумай о деле, которого тебе по-настоящему хочется, и положи ладонь на грудь: волнение отзовется там, а не в голове. Без него картинка так и остаётся красивой мыслью.

Третья — Действие: руки и ноги. Встать, спуститься, взять мел. Купить муку, обстругать доску, позвонить, написать первую страницу. Эта ступень самая долгая и самая будничная. Здесь картинка впервые встречается с настоящим миром, а он на картинку не похож: мел крошится, стена неров-

ная, корень упирается в камень. Рука учится обходить.

Четвёртая — Мир. То, что было только в голове, появляется там, где его видят другие: рисунок на стене, пирог, полка, мастерская. Неважно, проживёт оно десять минут или сто лет, купят его или подарят. Важно, что оно есть. Картинка стала частью жизни.

Если приглядеться, по этим ступеням идёт всё, что делает человек. Даже звонок маме: сначала в голове её голос, потом тепло в груди, потом палец на кнопке — и в мире звучит «алло». Обычно это проскакивает так быстро, что ступеней не видно. Как кадры в кино.

Не мы первые нарисовали эту карту. В самом начале Библии, во второй её главе, растёт сад, и «посреди рая» стоит дерево жизни (Быт 2:9). А в книге Притчей о мудрости сказано: «Она — древо жизни для тех, которые приобретают её» (Притч 3:18). Отсюда наше прочтение: дерево жизни — не только дерево в саду. Это ещё и умение жить — знать, как то, что внутри, становится жизнью снаружи. Веками люди, которые читали Библию медленно, слово за словом, рисовали это дерево подробно, ступень за ступенью, и прямо накладывали его на тело человека. Мы берём из их рисунка самое простое и складываем в четыре яруса — без единого трудного слова.

Но сама дорога старше любой книги. Одни из самых древних рисунков, какие люди нашли на земле, — отпечатки ладоней на стенах пещер. Им десятки тысяч лет. Человек при-

кладывал ладонь к камню и выдувал вокруг неё краску — и на стене оставался контур руки. Это было задолго до того, как люди научились писать. А путь был тот же, что у Марка и Тима: картинка, волнение, рука, стена. Поэтому мы и говорим: карта старше любой культуры, которая потом дала ей своё имя. Сама дорога была всегда — потому что всегда был человек.

Остаётся вопрос, который Тим задал на крыше: откуда берётся картинка? Сначала её нет, а потом она сразу целая. Помнишь, никто во дворе не знал, кто посадил старое дерево? Бабушка Марка помнила его старым, когда сама была девочкой. С картинкой так же: она приходит раньше, чем успеваешь спросить откуда. Поэтому над Головой на нашей карте есть ещё одно место, самое верхнее. У каждой традиции для него своё имя: одни говорят — Бог, другие — Небо, Путь, Источник, третьи — просто «вдохновение» или «пришло в голову». Мы не спорим ни с одним из этих имён. Мы назовём это место самым простым словом — Начало. Простое слово нужно, чтобы каждый мог положить в него своё.

Теперь — две стрелки на схеме.

Золотая идёт вниз: от Начала через Голову, Сердце и руки — в Мир. Так картинка становится жизнью. Голубая идёт вверх: из Мира — назад, к Началу. Этот путь тоже знаком каждому, просто его редко замечают.

Вспомни отца Тима из первой главы. Он увидел корни на стене — это Мир. Смотрел на них дольше, чем собирался:

в груди что-то шевельнулось — это Сердце. Перед глазами встал он сам, мальчишка с мелом у этой самой стены, — это Голова. И на одну секунду он оказался там, откуда когда-то пришла его собственная картинка. Этой секунды хватило, чтобы его рука провела линию в обход камня. Голубой путь открывается всякий раз, когда мир напоминает человеку, с чем он пришёл: чужая песня, чужой сад, детский рисунок мелом. Может быть, поэтому и улыбнулась соседка с собакой.

Так устроено и настоящее дерево. Пищу, которую листья готовят на солнце, дерево отправляет по стволу вниз — до самых корней. А навстречу, от корней к листьям, поднимается вода. Два потока в одном стволе и в одно и то же время: один — под самой корой, другой — глубже, в древесине. Дерево живо, пока идут оба.

Поэтому наше дерево — не лестница, по которой надо взобраться наверх и уйти подальше от земли. И не порядок, где верхнее важнее нижнего. Без Начала картинке неоткуда прийти, без Мира — некуда. Это карта того, как внутреннее становится жизнью, — и как жизнь возвращает человека к себе (это наше прочтение).

Если присмотреться к нашим четырём ярусам, в каждом найдутся ступеньки помельче. Вместе с Началом их десять, и по ним мы пойдём в следующей главе. Число десять есть уже в одной очень древней книге — её название переводят как «Книга Творения». Ей больше тысячи лет, а когда точно

её написали, учёные спорят до сих пор. О своих десяти она говорит: их именно десять — не девять и не одиннадцать; видом они как вспышка молнии, и слово Творца в них «бежит и возвращается». Скажем это нашими словами: вниз — чтобы стать жизнью, вверх — чтобы вспомнить, откуда.

Путь картинки может оборваться на любой ступени, и почти каждый знает это по себе. Бывает, картинка есть, а в груди тихо: «хорошо бы когда-нибудь». Бывает, в груди горит, а руки не поднимаются, и волнение уходит в разговоры и в мечты перед сном. Бывает, руки работают годами, а до стены дело так и не доходит: всё почти готово, начатое лежит в ящике. А бывает и наоборот: вещь давно стоит в мире, а картинки за ней уже нет — человек делает своё дело по привычке, без волнения и без радости. Там, где путь обрывается, начинается то, что в этой книге мы называем тенью. О ней — дальше.

В тот день у гаражей путь не оборвался нигде. Никто из взрослых не сказал ни «покажи ещё», ни «потом». Картинка сама прошла весь путь: из головы — в грудь, из груди — в руки, из рук — на стену. Так она проходит у любого ребёнка. Ни слов, ни схемы мальчишкам для этого не понадобилось. Пока путь не обрывается, его не замечают — как не замечают, что дышат.

Карта у нас есть. Теперь посмотрим, как по ней идёт мечта — не за один день у стены гаражей, а за целую жизнь.

Вопрос к тебе

Вспомни картинку, которую ты давно носишь в себе. На какой из четырёх ступеней у тебя обычно обрывается её путь — в голове, в груди, в руках или у самой стены?

А если хоть одна твоя картинка дошла до самой стены, вспомни, как это было.

Глава 3. Как мечта спускается в жизнь

В четырнадцать лет Марк рисовал на всём, что попадалось под руку.

На полях учебников. Пальцем на запотевшем окне автобуса. На обороте бабушкиных чеков из магазина. На собственной ладони, если больше было не на чем. Отбирали тетрадь — он рисовал на обложке учебника. Спроси его кто-нибудь «зачем?» — он бы не ответил. Рисунок приходил раньше, чем «зачем».

Тим поднимался на крышу гаражей всё реже: сначала уроки. В жестяной коробке под крайним гаражом его белый мел лежал почти целый.

Весной класс повезли в музей большого города. Марк шёл по залам, как ходят по чужой квартире, — пока не остановился перед старой картиной: дерево на холме, вечер, свет сквозь листья. Он подошёл так близко, что зритель кашлянул. Вблизи листьев не было. Были мазки — короткие, быстрые, и в каждом видно, где повернула кисть. Это сделал человек. Рукой — такой же, как у Марка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.